

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2003

Номер выпуска: 18

Заглавие: Мой Таганрог

Автор: Гальперн Авраам

Та-ган-рог. Впервые это так необычно звучащее слово, как будто пришедшее из рассказа о дальних странствиях, я услышал девятилетним мальчиком в 1940-ом году. К этому времени успел я уже многое пережить и испытать.

Свои школьные каникулы в далеком 1939-ом году проводили мы с сестрой Геней, как ее тогда звали, в маленьком польском местечке Нароль. К началу учебного года за нами должны были приехать родители из Варшавы, но тревожная предвоенная неделя задержала их, а потом вместо школьного звонка прозвучали взрывы начавшейся Второй мировой. Стремительное продвижение немецких полчищ, бомбовый удар, нанесенный по столице Польши, сделали невозможным нашу поездку в Варшаву. Мы остались у бабушки, не зная, что с родителями, а они - что с нами.

Уже через несколько недель фронт вплотную подошел к нашему дому, и в одно сентябрьское утро мы проснулись от гула канонады. Посоветовавшись, мужчины решили отправить женщин и детей в лес, за несколько километров от города. Побросав наскоро собранные узлы в телегу, запряженную деревенской лошадкой, тронулись мы в путь по грунтовой песчаной дороге. Многоцветье осенних крестьянских полей, раскинувшихся перед нами ярким ковром, обостряя наши чувства, только усиливало тревогу, рождало в душе щемящую тоску. Весь день провели мы в лесу, прислушиваясь к далеким взрывам и лоя с ранее не испытанным страхом угрожающее грохотание немецких самолетов, пролетающих над нашими головами. На ночь мы попросились к знакомым крестьянам из лесной деревушки. С этими людьми семья бабушки была в дружбе долгие-долгие годы на протяжении не одного поколения. Пробыли мы у них в доме трое суток. А когда бои придвинулись к селу, хозяева буквально выбросили нас на улицу, не позволив взять с собой ничего из привезенных вещей. Стемнело, и мы, тетя и четверо детишек, мужчины остались в городе охранять дом, вынуждены были ночевать в лесу на голой земле, дрожа от холода и вздрагивая от доносящейся близкой стрельбы. Зарево пожаров своим кровавым светом окрашивало темное беззвездное небо. Ближе к рассвету начался дождь. На окраине деревни мы нашли незапертый сарай и укрылись в нем. Утром нас обнаружили деревенские ребята и с криками «жиды» начали «обстреливать» гнилыми картошками. Дождь перестал, и мы вернулись в лес. Стрельба прекратилась, фронт покатился дальше на восток. Приехавшие за нами мужчины после долгих поисков нашли нас на лесной опушке и отвезли в город, уже занятый немцами.

Дальнейшие события, с лихорадочной быстротой сменяя друг друга, обрушились на мою детскую психику с такой силой, что в какой-то степени притупили остроту восприятия. Память, как будто при вспышках молнии, выхватывает из прошлого только отдельные фрагменты. Город переходит из рук в руки. Без единого выстрела немцы покидают Нароль. Его тут же занимают красноармейцы. Тревожная настороженность еврейского населения сменяется робкой надеждой на лучшее... Помню митинг на городской площади. Пробегают какие-то люди с красными повязками на рукавах. Очередной оратор предлагает погорельцам переселиться в загородный дворец графини Корытовской... А через несколько дней новое ошеломляющее известие: по соглашению, которое позже получило печально-знаменитое название «Пакт Молотова-Риббентропа», немцы возвращаются в город. Красный командир, известивший нас об уходе армии, предложил нам присоединиться к отступающей своей роте. Нам предоставили военный грузовик, и мы вновь покинули свой дом, как оказалось, теперь уже навсегда.

В городе Рава-Русская, куда нас привезли еще до рассвета, скопилось множество беженцев, по преимуществу евреев, со всех концов оккупированной Польши. Не хватало

жилья, не было работы. С большим трудом удалось снять комнату, в которой разместилась вся семья: бабушка Ривка Гроссман, ее сыновья Мордехай, Шломо и Берл, жена старшего сына Кайла, их дети Йосл и Эстер, а также я с сестрой - всего девять человек. Было голодно. Из булочных исчез хлеб. Опустели полки промтоварных лавок. Красноармейцы мгновенно раскупили всю «мануфактуру». Торговля переместилась на «черный рынок». Больше всего страдал я от разлуки с родителями, от неизвестности об их судьбе.

Мысли о сиротстве сжимали мое детское сердце. Днем я старался не выдавать свои чувства, но по утрам нередко просыпался на мокрой от пролитых слез подушке. И тут произошло чудо. Погруженный в невеселые свои размышления, брел я как-то с сестрой по улице, низко опустив голову. Вдруг что-то как будто пронзило меня - я остановился, поднял глаза и увидел идущих нам навстречу родителей.

Выйдя пешком из Варшавы, они пересекли почти всю Польшу и пришли в Нароль, где, узнав у знакомых, что мы с бабушкой находимся в Раве-Русской, обратились к немецкому коменданту с просьбой о выдаче пропуска на переход границы для соединения с двумя своими детьми. Окинув маму пронизывающим взглядом холодных глаз, офицер задал только один вопрос: «Ты еврейка?». Получив утвердительный ответ, он презрительно отрубил: «Для евреев никаких разрешений!». Этой же ночью родители лесными тропами прокрались к границе и, перейдя речку по пояс в ледяной воде, ступили на советский берег. Отец, не сдержав своих чувств, припал к свободной от фашистской нечисти земле и поцеловал ее. Казалось, самое страшное позади. В Раве-Русской поселились мы в маленькой ветхой избушке, согреваясь от зимней стужи - ночью стены покрывались изморозью - не столько железной печуркой, сколько теплом вновь обретенной семьи.

В феврале 1940-го года местные власти начали осуществлять мероприятия по разрядке обстановки, сложившейся в приграничной полосе. Беженцам было предложено выехать в глубинные районы России. Решиться на этот шаг было не просто. Многие не верили в окончательность установившихся границ, возлагали надежды на Запад, мечтали вернуться в покинутые дома. Религиозных людей, а таких было немало, пугала мысль о жизни под властью атеистов. Без знания русского языка, без наличия необходимых индустриальных профессий, как отправиться в эту загадочную Советскую Россию?! И все же нашлись среди беженцев люди, сумевшие больше интуицией, чем разумом, понять необходимость этого безумного, с точки зрения большинства, шага. Был в числе этих смельчаков и мой отец, твердо заявивший: «Надо ехать!».

Сборным пунктом для отъезжающих была определена одна из школ города Львова. Там-то я впервые и услышал слово «Таганрог». Настал день отъезда. На перроне железнодорожного вокзала собрались родные и близкие. Пришла проститься с нами и младшая любимая мамина сестра Гитл, которая, выйдя замуж за Льва Эсига, жила до войны с мужем и двумя своими детьми, дочерью Геней и сыном Давидом, в собственном доме в пристанционном поселке Бельзец. В последний раз гостил я у тети летом 1938-го года. Меня отвез к ней на раме своего велосипеда дядя Берл. Хорошо помню ее уютный, утопающий в зелени и цветах дом, помню даже вкус вишен, которыми она нас угощала. Кто мог тогда подумать, что это идиллическое, тихое место будет превращено фашистскими извергами в ад на земле, во всемирно известный лагерь смерти «Бельзец», фигурирующий в «Черной книге» И. Эренбурга! Вернемся, однако, в пассажирский вагон, куда вместе с нами поднялась тетя. Звучат последние прощальные возгласы, блестят в глазах слезы расставания, и никто в эту печальную минуту не знает, что это разлука навеки. В огне холокоста сгорела наша красавица тетя Гитл вместе со всей своей семьей, вместе с семьями почти всех наших родственников, названных и не названных мною поименно. Все они разделили участь шести миллионов жертв нацистского геноцида. Прощальным стоном прозвучал гудок паровоза, и наш поезд тронулся, набирая скорость, по маршруту Львов - Таганрог.

То, что произошло с нами по прибытии в Таганрог, поразило своей неожиданной и почти сказочной невероятностью. На вокзальной площади нас встречали под торжественные звуки духового оркестра. Произносились приветственные речи, слова которых были не очень нам понятны, но смысл, общая тональность трогали сердца: нас ждут, нашему приезду рады. В вокзальном ресторане были накрыты праздничные столы. После вкусного обеда нас посадили в автобусы и отвезли в заранее подготовленное жилье. Каждую семью поселили в отдельную комнату. Все было предусмотрено до мелочей: застеленные новым бельем постели, одеяла, подушки, необходимая мебель, даже протопленные, еще пышущие жаром, печки. Специально для нас был открыт и несколько месяцев функционировал продуктовый магазин. Так, на окраине Таганрога, по соседству с баракком, заселенном цыганами, появился барак, в котором нашли приют около сотни беженцев -евреев из Польши. На следующий день всех работоспособных отвезли на металлургический завод имени Андреева. После ознакомительной экскурсии по предприятию всем предложили выбрать себе работу по душе. Отец остановился на специальности машиниста мостового крана, мама - машинистки листопркатного стана. Нас, детей, определили на учебу в близлежащую школу № 24. Началась новая жизнь.

Являясь польскими подданными, гражданами государства, которое своей недальновидной политикой навлекло на своих жителей столько бед, мы на первых порах не очень задумывались над своим гражданским статусом. Родителям вскоре выдали паспорта. Перелистывая глянцевые страницы только что полученного документа, я по слогам читал по-новому звучащие на русский лад имена, фамилии и отчества: Гальперн Моисей Абрамович, Гальперн Перна Давидовна. Для получения документов на детей родителям было предложено обратиться к судебно-медицинскому эксперту. В городской больнице к нам вышел добродушно улыбающийся доктор в клеенчатом фартуке с явными пятнами крови и предложил открыть рты. Похлопав меня и сестру по щекам, он спросил у родителей дату нашего рождения и, выслушав их объяснения, не стал возражать, а тут же подписал какую-то бумагу. В результате чего я стал Абрамом Моисеевичем 1930-го года рождения, а сестра - Геленой Моисеевной 1928-го года рождения уже на «законном» основании.

Кому-то, вероятно, из местных руководителей пришла в голову мысль назвать нас белорусами, хотя никакого отношения ни по национальному своему происхождению, ни по месту рождения мы к Белоруссии не имели. Внешне, одеждой, поведением, языком мы, конечно, отличались от таганрожцев. На улицах, где бы мы ни появлялись, слышались возгласы: «Белорусы, белорусы!». Коренные жители Таганрога, безусловно, помнят, что жизнь в 1940-ом году была в городе не такой уж легкой. За продуктами у магазинов выстраивались длинные «хвосты». По собственному почину население в первые месяцы пропускало нас, «белорусов», без очереди. Выходцы из еврейских кварталов городов и местечек Польши, мы, взрослые и дети, разговаривали друг с другом на родном для нас языке идиш. Однако несколько месяцев общения со сверстниками, среди которых были русские, украинцы, армяне, цыганы, греки, позволили нам достаточно хорошо овладеть русским языком. Тогда-то я и «воспылал страстью» к чтению. Дошло до того, что я стал бегать в библиотеку дважды в день - к открытию и закрытию. Совершенно потряс меня рассказ про сироту Ваньку Жукова, пишущего письмо «на деревню дедушке». Вскоре я узнал, что Антон Павлович Чехов родился в Таганроге, что на одной из улиц в районе городского рынка находится «Домик Чехова». «Чехов и Таганрог» - два эти слова слились в моем сознании во что-то единое, солнечное светлое и доброе. Нельзя не отметить еще один источник радости моего таганрогского детства - Азовское море. Огромное, уходящее за горизонт, и в то же время такое теплое, ласковое, совсем мелкое у берега, оно как будто создано было специально для нас, детей. Да и находилось оно совсем близко от нас: несколько минут ходьбы - и вот оно плещется у наших ног. Никогда не видели мы ранее и такого обилия фруктов и овощей: арбузы, дыни, абрикосы, помидоры - мы объедались ими. Как по мановению волшебной

палочки, перенеслись мы в благодатный край, о котором ранее и представления не имели.

После казенно-официальной польской школы с ее палочной, не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова, дисциплиной атмосфера советской радостно поразила своей свободой, по-родительски ласковым, любовно-бережным отношением к детям. Меня зачислили во второй класс к замечательному педагогу, к «нашей Марье Михалне», как звали ее «второкашки». Проучился я у нее всего один год, но вошла она в мою жизнь первой и любимой учительницей, добрую память о которой я пронес через все эти годы. Это она своим талантом педагога, своим человеческим обаянием превратила мои школьные дни в череду незабываемых праздников. Была и еще одна причина, сделавшая для меня пребывание в классе столь притягательным. Ею стала моя соседка по парте, с которой меня совсем не случайно посадила Мария Михайловна. Я не уверен, что правильно запомнил имя этой девочки-отличницы с обворожительной фамилией Липчанская, ведь прошло с тех пор 60 лет, но остроуту и прелесть возникшего к ней чувства я не забыл до сих пор... Неизгладимое впечатление произвела на меня первомайская демонстрация 1941-го года. Ничего подобного я ранее не видел: такое всеобщее ликование, пляски, песни, счастливые лица людей! Сохранились в моей памяти и места массовых гуляний горожан - Дубки и городской парк. Учебный год закончил я успешно, с отличными и хорошими оценками, а сестра и вовсе обрадовала нас всех «Похвальной грамотой за отличные успехи и примерное поведение», выданной 10-го июня 1941-го года директором средней школы № 24 М. Дунаевским.

Пережили мы в этом году еще одно радостное событие: к нам в Таганрог приехал старший брат отца, мой дядя Мордехай с женой и двумя детьми. Вслед за нами он тоже принял решение выехать в Россию, но их группу направили в небольшой шахтерский поселок Тульской области. Читая наши восторженные письма о жизни в Таганроге, дядя решил присоединиться к нам. В Таганроге он снял комнату в частном домике на одной из Артиллерийских улиц, в близком с нами соседстве. На родине дядя был переписчиком священных свитков. Вставая ежедневно на рассвете, он в утренней тишине становился к своему рабочему месту, высокой конторке, и много часов подряд выводил гусиным пером квадратные буквы древнего письма. Работа эта, на грани искусства, требует особой сосредоточенности и внимания: нельзя пропустить ни одного значка, ни одной точки, нельзя ошибаться, любая погрешность обесценит весь труд - свиток будет испорчен и непригоден к богослужению. Будучи человеком религиозным, дядя отличался широтой кругозора. Он читал Л.Н. Толстого, высоко оценивая не только его художественные, но и философские сочинения. Ко времени приезда в Таганрог дяде Мордехаю исполнилось уже 55 лет. Было поздно приобретать новую специальность, и он устроился на работу садовником-сторожем. Нашли работу и его дети, мои двоюродные брат и сестра. Весь этот год мы поддерживали связь с оставшимися в Раве родственниками. Появилась возможность оказывать посильную помощь другой моей бабушке Юдит, матери отца. Женщина глубоко верующая, она категорически отказалась поехать с нами в Россию. Письма приходили из Западной Украины не очень радостные. Власти ужесточили свое отношение к беженцам. Многие из отказавшихся добровольно эвакуироваться были насильственно высланы в отдаленные районы страны. В Сибири оказалась и старшая дочь дяди Мордехая Рахель со своей семьей, мужем Моше и двумя девочками - школьницами Аделей и Салей, Суровая эта мера, воспринимавшаяся как несправедливое наказание, спасла жизнь тысячам евреев, еще раз подтвердив верность утверждения: «Человек предполагает, а Бог располагает». В последнем письме, полученном из Равы, нас известили, что мамыны братья Берл и Шломо мобилизованы в ряды Красной Армии.

День 22-го июня 1941-го года ворвался в нашу жизнь страшной вестью о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Война вновь догнала нас. Остатки каникул прошли во все усиливающейся тревоге. Фронт неумолимо приближался. Уже

почти забытый гул немецких самолетов все чаще звучал в небе Таганрога. Около барака была вырыта «щель», куда следовало опускаться во время воздушных тревог. Первого сентября мы собрались у школы на «линейку», посвященную началу нового учебного года, но занятия проводились недолго и вскоре были прекращены. Со всей остротой встал вопрос: как быть? Уже не было сомнения, что фашисты в ближайшие дни захватят город. Начались беспорядки. На моих глазах была остановлена и разграблена повозка с хлебом.

Шестнадцатого октября родители пошли пешком в город, трамваи уже не ходили, чтобы встретиться со знакомыми и обсудить сложившуюся ситуацию. Все были растеряны и не знали, что предпринять. Возвращаясь домой, отец встретил знакомого рабочего, который сообщил, что формируется эшелон для эвакуации оборудования и сотрудников на восток. Родители немедленно направились в заводоуправление и были внесены в список отъезжающих. Времени было мало, до наступления темноты надо было погрузиться в теплушки. Заскочив к дяде Мордехаю, родители рассказали ему о возможности немедленно покинуть город. Однако дядя, всего несколько месяцев назад приехавший в Таганрог, оказался не готовым к еще одному бегству. «Если немцы догнали меня здесь, то догонят и в дороге», - с грустью проронил он. Предложив дяде переехать в нашу освобождающуюся в бараке комнату, родители простились с ним и побежали домой. На скорую руку собрав кое-что из одежды, мы к вечеру заняли отведенные нам нары в товарном вагоне. Поздно ночью к составу прицепили паровоз, и поезд медленно выехал за заводские ворота. В предрассветных сумерках проскользнули мы прифронттовую полосу, озаряемую всполохами огня. Слышали треск близкой стрельбы, видели окровавленных красноармейцев, бредущих вдоль железнодорожной насыпи. Проехали только что разбомбленную станцию Кавказская. На путях стояли горящие вагоны, на земле лежали трупы людей... Судя по всему, мы были среди последних горожан, покинувших Таганрог перед его захватом фашистами 17-го октября 1941-го года. Так мы расстались с городом, давшим нам гостеприимный кров и убежище на полтора года. Наш дальнейший путь лежал через Баку, Красноводск, Среднюю Азию на уральскую станцию Синара в Челябинской области...

Окончание войны, великую Победу, «праздник со слезами на глазах» мы встретили в городе Туле, куда весной 1944-го года перевели родителей с одного из оборонных предприятий города Каменск-Уральский на ставший впоследствии широко известным Тульский завод самоходных комбайнов. От многочисленных родственников, которые оказались в годы войны на оккупированных территориях, не поступало никаких вестей. Наши розыски были безуспешны. Местные жители, к которым мы обращались, или не отвечали на наши письма, или ссылались на неведение. Стало очевидным, что и семья дяди Мордехая Гальперна, его жена Рохл, их дети Йосл и Гитл, погибли вместе с остальными евреями Таганрога. В живых осталась только старшая дочь Рахель. Ее муж Моше Корн, призванный в польскую армию, закончил войну в Германии, и вскоре вся увеличившаяся семья (в Сибири родилась их младшая дочь Клара) уехала в Израиль. К великому стыду своему, не могу назвать, перечислить имена оставшихся в Таганроге земляков своих. События грозных военных лет стерли их из памяти. Помню, что была семья Крамер: муж, жена и несколько девочек. Глава этой семьи, в отличие от большинства, не работал на заводе, а устроился по своей специальности парикмахера в какой-то салон в центре города. Помню имя своего сверстника Матуса, помню лица, расположение комнат, занятия, даже содержание некоторых разговоров, но... не могу вспомнить больше ни одного имени. Возможно, в городских, заводских архивах Таганрога сохранились о них какие-нибудь сведения. Возможно, кого-то могут вспомнить бывшие соседи, старожилы Артиллерийских улиц.

Сразу после окончания войны на нашу семью обрушилась еще одна беда. В 1947-ом году родители обратились в соответствующие инстанции с просьбой о получении разрешения на возвращение в Польшу. Отец тут же под надуманным предлогом был

арестован и осужден на 7 лет лишения свободы...

С тех пор прошло много лет. В сентябре 2000 года, во время очередного посещения музея «Яд Вашем» в Иерусалиме, моя сестра обратилась к работникам библиотеки с вопросом, располагают ли они какими-нибудь сведениями о евреях Таганрога в годы войны. Нам предложили познакомиться с книгой Танхи Отерштейна «Евреи Таганрога». Из нее мы и узнали впервые о Петрушиной балке, где в октябре 1941-го года было расстреляно более 6500 евреев - женщин, стариков и детей. Давнее желание посетить место гибели родных обрело форму категорического решения. К нам присоединился мой старший сын Александр. И вот мы в Таганроге. На привокзальной улице нас сердечно встретил Танха Моисеевич Отерштейн. Вместе с группой евреев - жителей Таганрога - прошли мы дорогой скорби к мемориальному комплексу в «Балке смерти».

Стоя у скромного обелиска над братской могилой невинно убиенных людей, я задавал себе мучительные вопросы: «Как могло такое случиться? Как люди, проявившие к нам, беженцам из Польши, столько милосердия, столько сердечного внимания, сделавшие нам столько добра, как они в мгновение ока превратились вдруг, если не в прямых пособников, то в равнодушных свидетелей неслыханного злодеяния? Как люди, десятилетиями жившие в соседской дружбе и согласии, внезапно заразились зоологической ненавистью к «чужакам»?

Думается, что вопросы эти должны «стучаться в сердца» не только членов еврейской общины Таганрога.

Израиль, декабрь 2000 года.